

ЖИЗНИ ГОГОЛЯ

ЗАДУШЕННАЯ КОМЕДИЯ ГОГОЛЯ

«У Гоголя вертится на уме комедия... — писал Пастернак Жуковский в декабре 1832 г. — Не знаю, разводится ли он ею нынешней зимой, и ожидает в этом году от него необыкновенного совершенства».

Эта комедия — та, которой никогда не судено было появиться на сцене и которой Гоголь называл свою «дентальность» драматурга, — называлась «Владимир 3-й степени».

Гоголь приступил к своей первой комедии, как провозвестник новой драмы, рушившей со всеми преданиями Мольера и других драматургов феодально-дворянского периода.

Похвалив типичного представителя русской дворянской комедии Загоскина за «веселость», Гоголь заявил С. Аксакову, что он не то пишет, что следует, особенно для театра». На возражение Аксакова, что у нас писать не о чем, что в

«Из рисунков Н. В. Гоголя.

свете все так однобразно, гладко, привычно и пусто, что

...даже глупости смешны
В тебе не встретишь, свет
пустой» —

Гоголь отвечал, что «это неправда, что комизм кроется везде», что, живя посреди него, мы его не видим; что если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем взираться со смехом и будем дивиться, что прежде не замечали его».

Простодушный Аксаков был «озадачен» словами Гоголя, но понял его, вероятно, лишь через десять лет, когда он прочитал «Театральный разезд» отпевший одного «любителя искусств» другому в ответ на его жалобу, что в новой пьесе, т. е. в «Ревизоре», «нет завязки».

Свою первую комедию Гоголь строил на новой пружине материального интереса: «Героем ее был петербургский чиновник, поставивший себе целью жизни получить крест Владимира 3-й степени» (сообщение М. С. Шепкина, слышавшего от Гоголя целые сцены из комедии). «Известно, что из всех орденов орден Владимира пользуется особенно привилегиями иуважением и дается за особенные заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда с получением других орденов не даются уже дворянские права, как это было прежде, орден Владимира удержал еще за собой это право. Старания героя пьесы получить этот орден составляют комедии и давали для нее богатую канву, которую превосходно воспользовался наш великий комик!» Сообщение Шепкина не раз цитировалось писавшими о Гоголе, но никто не подчеркнул, что избирая сюжетом комедии смешную борьбу за орден, Гоголь брал драматическую задачу большого социального интереса: получить Владимира 3-й степени значило, как видно из сказанного, перепрыгнуть из класса в класс, и комедия Гоголя была наполнена «электричеством» социального беспокойства, классовой устремленности, погони за властью и за лучшим куском из общественного пригора. Эта «пружина» придавала остроту и действительность даже первому наброску мысли комедии, сохранившемуся в «Книге для записок книг и тетрадей», хранящейся в Ленинской библиотеке: «Хочет достигнуть, скватить руку, как вдруг помешательство и отдаление желаемого предмета на огромное расстояние» — такова первая черновая наметка сюжетного осьтия комедии. В тексте комедии это острое делалось таким острым: что комедия кончалась гротесками: «В конце пьесы герой сходит с ума и воображает, что он сам и есть Владимир 3-й степень. С особенною похвалою М. С. Шепкин отрывался о сцене, в которой герой пьесы, сияя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем».

Но этот склонный стержень Гоголя нанес сложное, социально смое и реалистически богатое содержание. О нем мы можем судить по драматическим остаткам комедии, обработанным впоследствии Гоголем в отдельные сцены («Уголовного человека», «Тяжбы», «Лакейская», «Отрывок»), и по отрывкам, сохранившимся в черновых рукописях.

Комедия Гоголя захватывает несколько социальных слов: Петербурга, «Нижний слой — это была лакейская», мир крепостного холопства и челядниства, наполнявших передние знатных и незнатных «господ». Целое действие «Владимира 3-й степени» происходит в такой лакейской». Гоголь предварил тут частичную драматургическую мысль Л. Толстого показать мир «господ» из предвария «слуг». Но и в «слугах» Гоголь намечает несколько прошлое: здесь есть свои «командиры», «дворецкие» и прочие холопы «знать», подражаящие барам да же в веселениях, и свои «командиры» — холопы мелкоты.

Следующий социальный слой его комедии — мелкое чиновничество. Оно немногим выше и независимее петербургского лакейства, а высшие ранги холопов — тучные, важные дворецкие — чувствуют себя даже независимее этих чернорабочих гигантского пера. В черновой второй действии погибшей комедии очень ярка заключительная сцена. Лакейская знать — дворецкий Лаврен-

тий и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

Внезапно дворецкий замечает чиновника «Петрушевича в задумчивости» и покорительно замечает ему: «Ах, Григорий Саввич! Я вас чуть было не запер. Извините! У нас уже давно обедать пора».

Дворецкий важно пропытывает в свою комнату вместе со своей горстью, а оставившийся в одиночестве чиновник произносит следующий монолог под занавес:

«Боже мой, боже мой! Итак, вот что? Служил, служил и что же выслужил? Хм! (С горько улыбкой.) Вот что говорили о бале — какой для меня ба! Сегодня еще говорились были, итти к Андрею Ивановичу на босточки! Нет, не пойду. Что мне теперь бояться? Я сам не знаю, что я буду, куда я пойду. Что скажет моя Марья Григорьевна? (Выходит идущими и машет.) Занавес опускается!»

Это — маленькая драма, вплетенная в сложный организм комедии: драма «уволенного» чиновника, одного из тех «унжененных и скорбленных», которых после Гоголя замягся скоро русская литература. Из этого подвального этажа борьканий нет хода в чиновные и дворянские бальеты.

Одни из драматических мотивов, образовавших «Владимира 3-й степени» — история любви некоего чиновника из чинов и богатой бирократической семьи,古老的和诚实的 «Мини». К дочери бедного чиновника Матушка пытается отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помешавшимися с петербургскими бюрократами, и смех эта богата еще особыми социальными прослойками, о которых говорено выше. Гоголь писал комедию, сюжетом и составом действующих лиц воспроизведя одну из бюрократических машин правящего Петербурга. Комедия была эла и весела.

Зла — больше «Ревизора», весела — не меньше «Ревизора». Как событие Пушкин отмечает в дневнике 3 мая 1834 г. «Гоголь читал у Дашикова свою комедию». С восторгом и с необычайной живостью пишет М. Погодин в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском наблюдателе» 1834 г. (кн. I): «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна — под заглавием «Комедия», другая — «Пропинчайский женщины». Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помешавшиеся, барыни! Талант перво-

чион и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

В свой комедии Гоголь исполнит завет, данный в «Театральном разезд»: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два», — коснувшись того, что волнует более или менее всех действующих лиц. Тут всякий герой, течение и ход пьесы производят потрясение всей машины: им одно колесо не должно оставаться как раковине и не входящее в дело».

История любви Тентентинова — «Мини» — лишь эпизод во «Владимире 3-й степени». Вся комедия движется не на «любви», а на противоборстве материальных и социальных интересов: в клубок борьбы связанны и перевязаны друг с другом Иван Петрович, добивающийся ордена и благославия, его брат, замышляющий как бы отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помешавшимися с петербургскими бюрократами, и смех эта богата еще особыми социальными прослойками, о которых говорено выше. Гоголь писал комедию, сюжетом и составом действующих лиц воспроизведя одну из бюрократических машин правящего Петербурга. Комедия была эла и весела.

Зла — больше «Ревизора», весела — не меньше «Ревизора». Как событие Пушкин отмечает в дневнике 3 мая 1834 г. «Гоголь читал у Дашикова свою комедию». С восторгом и с необычайной живостью пишет М. Погодин в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском наблюдателе» 1834 г. (кн. I): «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна — под заглавием «Комедия», другая — «Пропинчайский женщины». Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помешавшиеся, барыни! Талант перво-

чион и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

В свой комедии Гоголь исполнит завет, данный в «Театральном разезд»: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два», — коснувшись того, что волнует более или менее всех действующих лиц. Тут всякий герой, течение и ход пьесы производят потрясение всей машины: им одно колесо не должно оставаться как раковине и не входящее в дело».

История любви Тентентинова — «Мини» — лишь эпизод во «Владимире 3-й степени». Вся комедия движется не на «любви», а на противоборстве материальных и социальных интересов: в клубок борьбы связанны и перевязаны друг с другом Иван Петрович, добивающийся ордена и благославия, его брат, замышляющий как бы отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся в весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помешавшимися с петербургскими бюрократами, и смех эта богата еще особыми социальными прослойками, о которых говорено выше. Гоголь писал комедию, сюжетом и составом действующих лиц воспроизведя одну из бюрократических машин правящего Петербурга. Комедия была эла и весела.

Зла — больше «Ревизора», весела — не меньше «Ревизора». Как событие Пушкин отмечает в дневнике 3 мая 1834 г. «Гоголь читал у Дашикова свою комедию». С восторгом и с необычайной живостью пишет М. Погодин в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском наблюдателе» 1834 г. (кн. I): «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна — под заглавием «Комедия», другая — «Пропинчайский женщины». Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помешавшиеся, барыни! Талант перво-

чион и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

В свой комедии Гоголь исполнит завет, данный в «Театральном разезд»: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два», — коснувшись того, что волнует более или менее всех действующих лиц. Тут всякий герой, течение и ход пьесы производят потрясение всей машины: им одно колесо не должно оставаться как раковине и не входящее в дело».

История любви Тентентинова — «Мини» — лишь эпизод во «Владимире 3-й степени». Вся комедия движется не на «любви», а на противоборстве материальных и социальных интересов: в клубок борьбы связанны и перевязаны друг с другом Иван Петрович, добивающийся ордена и благославия, его брат, замышляющий как бы отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся в весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помешавшимися с петербургскими бюрократами, и смех эта богата еще особыми социальными прослойками, о которых говорено выше. Гоголь писал комедию, сюжетом и составом действующих лиц воспроизведя одну из бюрократических машин правящего Петербурга. Комедия была эла и весела.

Зла — больше «Ревизора», весела — не меньше «Ревизора». Как событие Пушкин отмечает в дневнике 3 мая 1834 г. «Гоголь читал у Дашикова свою комедию». С восторгом и с необычайной живостью пишет М. Погодин в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском наблюдателе» 1834 г. (кн. I): «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна — под заглавием «Комедия», другая — «Пропинчайский женщины». Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помешавшиеся, барыни! Талант перво-

чион и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

В свой комедии Гоголь исполнит завет, данный в «Театральном разезд»: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два», — коснувшись того, что волнует более или менее всех действующих лиц. Тут всякий герой, течение и ход пьесы производят потрясение всей машины: им одно колесо не должно оставаться как раковине и не входящее в дело».

История любви Тентентинова — «Мини» — лишь эпизод во «Владимире 3-й степени». Вся комедия движется не на «любви», а на противоборстве материальных и социальных интересов: в клубок борьбы связанны и перевязаны друг с другом Иван Петрович, добивающийся ордена и благославия, его брат, замышляющий как бы отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся в весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помешавшимися с петербургскими бюрократами, и смех эта богата еще особыми социальными прослойками, о которых говорено выше. Гоголь писал комедию, сюжетом и составом действующих лиц воспроизведя одну из бюрократических машин правящего Петербурга. Комедия была эла и весела.

Зла — больше «Ревизора», весела — не меньше «Ревизора». Как событие Пушкин отмечает в дневнике 3 мая 1834 г. «Гоголь читал у Дашикова свою комедию». С восторгом и с необычайной живостью пишет М. Погодин в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском наблюдателе» 1834 г. (кн. I): «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна — под заглавием «Комедия», другая — «Пропинчайский женщины». Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помешавшиеся, барыни! Талант перво-

чион и горничная важной барыни Анны — обсуждают со вкусом и со смаком устройство предполагаемого лакейского бала, на который будет допущено лишь избранные общество: «камердинер графа Толстогуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого» и «чиновники некоторые».

В свой комедии Гоголь исполнит завет, данный в «Театральном разезд»: «Комедия должна вязаться сама собою, всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два», — коснувшись того, что волнует более или менее всех действующих лиц. Тут всякий герой, течение и ход пьесы производят потрясение всей машины: им одно колесо не должно оставаться как раковине и не входящее в дело».

История любви Тентентинова — «Мини» — лишь эпизод во «Владимире 3-й степени». Вся комедия движется не на «любви», а на противоборстве материальных и социальных интересов: в клубок борьбы связанны и перевязаны друг с другом Иван Петрович, добивающийся ордена и благославия, его брат, замышляющий как бы отнять у него теткии именем, его сестра, помышляющая о военных чинах и выгодной женитьбе для сына, секретарь Проделов, задавшийся целью «сковорнуть» Ивана Петровича, приходя и сплетни Собачкин, обивавшийся в весь лестницей, каучуком и предметом; в комедии барыши смеются, как чиновники, смеющиеся с лакеями, степенными помеш

НАХОДКА АРХИВА КРАСНОЙ АРМИИ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЯРОСЛАВА ХАШЕКА

Архив Красной армии обнаружил интересные документы.

Один из них — докладная записка известного чешского писателя Ярослава Хашека. Немногим, вероятно, известно, что автор бессмертных «Похождений Швейка», попавший во время империалистической войны в царский плен, после октябрьского переворота вел активную революционно-пропагандистскую работу среди иностранцев, проживавших в то время в Сибири.

Документ, обнаруженный Архивом Красной армии, представляет собой доклад Хашека, в котором он отчитывается в работе иностранных секций полиграфии ЦАРМии за август — ноябрь 1919 г. Доклад занимает несколько страниц и написан четким почерком на вполне правильном русском языке (с очень редкими ошибками).

Другой документ — бюллетень, выпущенный в 1919 г. полиграфией Туракфранта в связи с гибелью Чапаева. В бюллетене имеются три статьи Дм. Фурманова: «Чапаев», «Воспоминания о Чапаеве» и «Последние часы Чапаева».

Ряд положений этих статей был впоследствии развит Фурмановым в его «Чапаев», но целиком эти статьи нигде не перепечатывались.

20-летие МИРОВОЙ ВОИНЫ

ГРАНДИОЗНАЯ ВЫСТАВКА МОСКОВСКИХ МУЗЕЕВ

В этом году исполняется 20 лет со дня объявления империалистической войны 1914—18 гг. Музейный сектор Наркомпроса РСФСР организует к годовщине выставку «20-летие империалистической войны».

Музей изобразительных искусств намечает выставить серию офортов художника Кравиччо, ряд картин Диеса, Колвица, Пастернака, Штернберга и др. Музей новозападного искусства выставляет свыше 100 произведений известных художников, в том числе Кейля, Элиаса Иогансона, отражающих тематику войны.

Третьяковская галерея предполагает дать на выставку картины художников Куприна, Богородского, Деникин, Куркунова, серию рисунков Скала («Окончина правды», «Годы и люди»). Музей детской книги и рисунка подготавливается раздел, посвященный проблеме «Дети и война».

Музей восточных культур покажет китайские и японские плакаты и графику, турецкие революционные лубки. Этот раздел отобразит революционное движение на Востоке после войны.

Выставка будет открыта на территории ЦПКиО им. Горького к акционному дню — 1 августа.

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ НА ВЕЧЕРЕ В ДОМЕ ПЕЧАТИ

— Последние статьи М. Горького о языке художественной литературы задели и нас, газетчики, — сказал на вечере о языке газеты т. Ровинский («Правда»).

Работники печати ответственные за формирование языка масс, которые учатся грамотному и хорошему языку не только на произведениях советских писателей, но и на наших газетах.

Мы страдаем не от бедности русского языка, а от бедности знаний языка. Есть газеты, слова которых чрезвычайно скучены. К этой беде, вполне поправимой, надо отнести нетерпимое в нашей печати разнодушие, небрежность, нежелание работать честно и хорошо.

Тов. Ровинский подтверждал каждое свое высказывание примерами — печальными и смешными.

Так, газета Балахинской фабрики помещает такой заголовок: «В женскую баню нужно попасть с боем». В другой центральной газете («За пищевую индустрию») помещают такой прерыв: «Желтые табаки — в хвосте махорки, махорка — в хвосте остальных культур».

В донбасской газете «За металл» завода им. Рыкова какой-то поэт-

щеголь в стихотворении «На фронте» пишет:

Учись, уч и укрепляй упорно
Технической культуры Геллес-
понт,—
И станет техника любовницей
покорной.
На фронт! На фронт!

Выступавшие в прениях дополнили сообщение т. Ровинского. Редактор газеты «За рулем» т. Светланов говорил о крайней нужде для наших работников в словах русского языка, в целом ряде пособий и необходимости воспитательных мер, которые могут окказать существенную помощь в борьбе за чистоту языка газет.

Ректор КИИХ т. Нодель был последним по списку оратором, но первым, который заговорил на этом вечере об исключительно важной обязанности изучать язык Ленина, Сталина — совершенный стиль двух великих революционеров, понятный миллионам труящихся всего мира.

Этот вечер — первый отрывок. Дома на прозывавшие с огромной силой на весь Союз статьи А. М. Горького.

Дома печати предполагает организовать ряд вечеров, посвященных языку отдельных газет. — М. К.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» НА СЦЕНЕ

Театр под руководством заслуженного артиста республики Р. Н. Симонова показывает сегодня премьеру — «Поднятая целина» по роману М. Шолохова. Спектакль пред-

привлечены артисты театра тт. Булгаковы, Полубояринов и Черноволенко. Музыкальное оформление спектакля — Н. И. Сизова, художник — И. К. Зиновьев. В спектакле занята вся труппа театра. Макар Нагульного играет Ионезевич, Давыдова — Профкоффер, Разметнова — Тобаша, деда Шукара — Полубояринов, Лушку — Сергеева.

Спектакль «Поднятая целина» является особенно важной для симоновского театра творческой задачей потому, что симоновцы имеют здесь дело с боевыми и жгучими материалами современности.

Если в «Энтузиастах» симоновцы имели дело со слабым драматургическим текстом, а в «Талантах и поклонниках» — с приборированным классическим текстом Островского, если в «Водевилях Французской революции» они совершили экскурс в далекое прошлое, а в «Эллен Джонс» — обращались к современному, но иностранному материалу, то в «Поднятой целине» театр п/р Р. Н. Симонова впервые строит спектакль на актуальном, политическом насыщенном, современном со-ветском материале.

Эскиз декорации к постановке в театре Симонова.

ставляет собой инсценировку Н. Н. Крашенинникова в обработке симоновского театра.

«Поднятую целину» ставят Р. Н. Симонов и А. М. Лобанов. В качестве вспомогательной режиссеры

привлекены артисты театра тт. Булгаковы, Полубояринов и Черноволенко. Музыкальное оформление спектакля — Н. И. Сизова, художник — И. К. Зиновьев. В спектакле занята вся труппа театра. Макар Нагульного играет Ионезевич, Давыдова — Профкоффер, Разметнова — Тобаша, деда Шукара — Полубояринов, Лушку — Сергеева.

Спектакль «Поднятая целина» является особенно важной для симоновского театра творческой задачей потому, что симоновцы имеют здесь дело с боевыми и жгучими материалами современности.

Если в «Энтузиастах» симоновцы имели дело со слабым драматургическим текстом, а в «Талантах и поклонниках» — с приборированным классическим текстом Островского,

если в «Водевилях Французской революции» они совершили экскурс в далекое прошлое, а в «Эллен Джонс» — обращались к современному, но иностранному материалу,

то в «Поднятой целине» театр п/р Р. Н. Симонова впервые строит спектакль на актуальном, политическом насыщенном, современном со-ветском материале.

Все пьесы издаются с режиссерскими комментариями.

Рис. А. Каневского.

„МИЛЛИОН ПОЧТАЛЬОНОВ“ В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СПЕКТАКЛЬ О „ПЛОХИХ“ И „ХОРОШИХ“ ДЕТЕЯХ

Сначала это классический театральный ведущий, организующий лицендество и показывающий детям хулини приготовления к спектаклю. Потом это письма, написанные по просьбе величущего юными зрителями о себе и своих недостатках, которые иллюстрируются небольшими скетчами. Третий прием — полемика ведущего, а вместе с ним и всего зрительного зала, с удивительно добродорядочным «слипником серебряным мальчиком», которому не смешно все происходящее. Последний прием наиболее удивчен, ибо он привлекает в участии в спектакле зрителя зала и не механически, как это делает, например, прием с письмами, а органически. Зрители искренне негодуют на молодого ипохондрика, не разделяющего их веселей, и незаметно сами для себя своими репликами помогают композиционному развитию спектакля.

Тему о «плохих» и «хороших» детях А. Барто разрешает привычно и художественно и педагогически.

«Плохим» детям не противопоставляются сусальные примерные образы — «слипником хороший мальчик» — воспринимается гораздо более отрицательной в своей последовательной нервозностью, чем остальные, явно разделяемые персонажи.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик. Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

В самом сочетании сатиры с танцевальной пластикой нет ничего

Агния Бартон написала комедию на «беспреторную» тему о плохих и хороших детях. Собственно говоря, это не комедия, а обозрение. Действие организовано приемом обозрения и даже не одним, а тремя.

Уполн. Главлита В-7660.

и есть настоящие хорошие ребята, только избавленные от разных своих маленьких недостатков.

Пьеса насквозь педагогична и большая заслуга автора является тем, что он избегнул вульгаризации этого педагогики.

Недостатком обозрения является его дидактическая и сатирическая перенасыщенность. Вопрос о соединении приятного с полезным автор идет в пользу полезного, правила, не огрубляя и не вульгаризируя последнее. Отсюда некоторая однотонность красок спектакля, известное однотипие в манере ведения драматических и драматургических конфликтов.

Обозрение называется «Миллион почтальонов» только потому, что эти нарядные слова соединяют звучный ассонанс, но совсем не пото-му, что тема почтальонов является в нем самом.

Сейчас в театре для детей ведутся спектакли о плохих ребятках, которые

всегда являются главными героями.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

Сфера его умения — танец-гротеск, пародийный танец, сатирическая пластика. Из этих границ он не выходит и в «Миллионе почтальонов» и это из известной степени определяет своеобразный, но увы, не сколько однообразный характер спектакля.

Спектакль Московского театра для детей, как это принято говорить, драматизирует: его достоинства, недостатки повторяют до стоянства и недостатки письм.

Эмиль Мэй более известен в Москве как театральный балетмейстер, чем как режиссер-постановщик.

<